

Ромкина сказка

Алёна Зимняя

Алёна Зимняя

Ромкина сказка

«Автор»

2026

Зимняя А.

Ромкина сказка / А. Зимняя — «Автор», 2026

У мальчика Ромы разводятся родители, и он с мамой переезжает к дедушке с бабушкой. Там он встречает странное существо, которое оказывается молодым домовым. И тут начинаются чудеса, раскрывается правда о магическом устройстве мира и истории семьи ребёнка. Почему за ним начинает охоту злобная ведьма? Что за необычные звери и существа начинают окружать Рому? Соединится ли семья? И при чём тут Баба-Яга с именем Ягода?

© Зимняя А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Разлука	5
Первая встреча	10
Первое волшебство	15
Тайны прошлого	19
Первая битва	24
Н	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Алёна Зимняя

Ромкина сказка

Разлука

Разлука

Скрын был ещё совсем юным, но уже опытным. Он чётко понимал, на каком доме не стоит домовая защита, а в какой лучше не соваться. А ещё он был постоянно голодным, потому что ещё рос. А когда растёшь, то энергии требуется ох как много.

На этот дом он налетел случайно. Людей здесь было мало и вряд ли можно было бы хорошо подкрепиться, но... Но домовой защиты не было, а значит, можно было бы и рискнуть.

Сначала Скрыну здесь не понравилось. Все такие милые и ласковые, аж противно. Семья из трёх человек. Папа, мама и мальчишка лет пяти. Любят друг друга, оберегают. Кухарка тоже прям такая вся сладкая, пряники печёт. Садовник всё что-то копошится на участке, да весёлые песенки напевает. Хоть прям другой дом ищи.

Правда, через день приходит уборщица. Вот та хоть немного, но пищи давала. Что-то постоянно ворчала себе под нос. В такие дни Скрын был счастлив. Но ворчание — это не скандалы. С них много не наешься.

А когда в доме появилась Она! О! Сразу стало понятно, что будет много вкусного. Её червоточину было видно невооружённым взглядом. Скрын провёл шипиком хвоста по стене, распуская паутинку своей энергии, пропустил её через ту самую червоточинку, расширяя и углубляя ту, и... И вот уже два месяца, как он просто пировал в этом доме.

А в это время...

Ромке было 5 лет, когда его жизнь неожиданно круто изменилась.

Раньше он жил в большом красивом доме. У мальчика была своя просторная комната, куча игрушек. Больше всего Ромка любил автоматическую железную дорогу и белого медведя.

Дорогу, правда, разрешалось запускать только со взрослыми. Там, среди зданий, деревьев, серебристой полосы (изображавшей реку, и над которой был настоящий мост), располагались целых два рельсовых пути. В одном месте они сходились. При помощи пульта можно было переключить соединение рельс, и тогда поезд ехал либо по правой, либо по левой ветке дороги. Был и настоящий вокзал, где стояли человечки с чемоданами и начальник вокзала с круглой палочкой в руке. Рука двигалась вверх, и поезд начинал движение. А сам поезд был как настоящий. В окошках мог загораться свет. Внутри вагонов находились лавочки для пассажиров. И гудел локомотив очень громко.

Эту дорогу привёз Ромке папа почти год назад из какой-то командировки. И с тех пор они раз в неделю играли в неё вдвоём. Правда, последние пару месяцев папа не приходил почему-то в комнату Ромки и не включал ему железную дорогу. Из-за этого мальчик грустил и скучал. Но не столько по игре, сколько по тому, что папа не приходит.

Огромного белого медведя с синим бантом Ромке подарила папина сестра Лизонька. Медведь был очень мягким, с добродушной мордой, но главное, он был настолько большим, что мальчик иногда спал в его лапах, как на диване. Делал он это, если вдруг становилось страшно, грустно или одиноко.

Последнее время спать в медведе приходилось всё чаще, потому что папа много кричал на маму. Что именно кричал папа, Ромка не понимал из-за закрытой двери. Но крик действовал на мальчика очень тягостно. Ему казалось, что он сделал что-то плохое, и поэтому папа кричит на маму.

Вокруг дома была большая огороженная высоким забором территория. Там были и лужайки, и небольшая каменная конструкция с маленьким водопадом, и неглубокий прудик, где можно было купаться летом. Но главное, у дальнего забора был мини-зоопарк, куда Ромку часто водила мама или няня. Там жили кролики, курочки, уточки, белки, маленький поросёнок Пятачок и любимец Ромки — пони Топтошка. На Топтошке мальчик даже катался несколько раз.

Ромку любили все. Все, кроме бабушки Дины. Когда в комнате находились мама или папа, бабушка мягко и по-доброму разговаривала с мальчиком. Но стоило им уйти, как бабушка Дина превращалась в какую-то злую колдунью и отпихивала ребёнка от себя.

Однажды разразился жуткий скандал. Папа приехал домой и сразу начал кричать про какой-то тест. Трясти перед маминым лицом бумагами, потом швырнул эти бумаги прямо в неё.

— Я всё сказал. Завтра, чтобы вы оба выметались из моего дома. У меня скоро родится родной сын. А вы можете возвращаться в свою дыру. Как там твоя деревня называется? Сви-стуново? Вот и усвистывайте к себе, — потом как-то зло рассмеялся. — Так и быть, разрешаю взять всё, что сможешь унести в своих загребущих руках. Ох, как же мама была права!!

— Митя, но этого не может быть! Кто делал тест. Давай переделаем. Ромашка твой.

— Да где мой. Я брюнет, а он белобрысый и кучерявый.

— Но ведь у твоей мамы тоже светлые и вьющиеся волосы.

— Не говори ерунду. Сейчас я уеду, вернусь завтра вечером. Днём приедет мама и про-следит, чтобы ты брала только то, что унесёшь в руках. Не увезёшь, а унесёшь, — и опять зло рассмеялся.

Мама упала на колени, закрыла лицо руками и расплакалась. А папа, зло зыркнул на Ромку и ушёл.

— Ты потом горько пожалеешь, ох как пожалеешь. Судьба сама оплатит за наши слёзы, — шептала мама. А Ромка гладил её по голове и пытался вспомнить, что же такого он опять натворил, что папа так рассердился, но припомнить так и не смог.

Утром мама собрала чемодан с Ромкиными вещами и небольшую сумку со своими.

— Ромашка, мы сегодня переезжаем жить к бабушке Тане и дедушке Николаю. Помнишь, мы ездили к ним этим летом?

— Надолго? — спросил Ромка.

— Не знаю пока, сыночек, может быть и надолго. Но мама обязательно что-нибудь при-думает, и мы опять с тобой переедем в город. Возьми несколько самых любимых игрушек с собой.

— Мишку и долёгу можно?

— Нет, любимый. Они слишком большие. Я не смогу их донести. Они пока поживут тут. Может быть, как-нибудь папа немного успокоится и привезёт их тебе сам.

— А где же я буду спать? — удивился мальчик.

— У тебя же есть комнатка с печкой на втором этаже. Там и будешь спать. А сейчас...Тебе нужно собрать игрушки в свой рюкзачок. Его ты понесёшь сам. Подумай хорошенько, соби-райся и спускайся вниз. Тебе нужна помощь?

— Нет, я сам, — надулся мальчик.

Ромка расстроился, но больше спорить не стал. Взял маленького бежевого медвежонка, лошадку и пару машинок. Ещё взял альбом и любимые цветные карандаши, фломастеры и краски. Потом подумал и прихватил пару красивых книг со сказками и фотографию.

На фотографии они были втроём. Папа обнимал маму, Ромка был между ними чуть впе-реди и держал воздушные шарики. Мальчик хорошо помнил этот день. День своего пятого дня

рождения. Была летняя солнечная погода, они всей семьёй и тётей Лизой гуляли в парке, ели вкусное мороженое и чизбургеры. Катались на каруселях. Общались со смешными енотами и ламами. Всё было замечательно, пока дома их не встретила бабушка Дина. Ромку сразу отправили спать, а в доме опять начались крики.

Мальчик вытащил фотографию из рамочки и спрятал в одной из книжек. Надел рюкзачок и спустился вниз.

Внизу его уже ждала мама. В этот момент в дом вошла бабушка Дина.

— Ну что, все украшения небось решила вынести, да? Прохиндейка! — вскричала она на маму.

— Зачем вы это делаете. Почему из-за ненависти ко мне, наказываете собственного внука. Ведь это вы всё подстроили и точно знаете, что Ромашка сын Мити.

— Не докажешь, воровка. А ну, показывай, что собралась уносить из дома! — завизжала бабушка.

Ромка даже присел и закрыл уши руками.

Но мама вдруг рассмеялась. Потом позвонила по телефону.

— Герман Андреевич. Мне очень нужна ваша помощь. Прямо сейчас. Через сколько вы сможете приехать... Да... Хорошо... Мне нужно зафиксировать и заверить то, что у меня в чемодане, чтобы меня потом ещё и не оболгали в воровстве.

— Что! Это что это ты задумала, дрянь! — закричала бабушка.

Но мама взяла Ромку и отправилась в садовую беседку. Уходя, она крикнула кухарке, чтобы та принесла чай с печеньем.

Через полчаса приехал адвокат. Невысокий седой мужчина в очках и с очень добрыми глазами. Он переписал всё, что было в вещах мамы и Ромки. Только фотографию в книжке не нашёл.

— Дашенька, Вы уверены, что не хотите взять хоть какие-нибудь украшения? Они же ваши, и их на чёрный день можно продать.

— Нет тут ничего её, — Огрызнулась бабушка.

Мама улыбнулась, показала на неё рукой и кивнула.

— Уверена. Вы же слышали. Вы не переживайте. Я нормально зарабатываю. Хорошо, что работаю не в сфере мужа. Жаль только, они с мамой забыли, что начальный капитал для его фирмы давала я. Кто же знал, что это нужно было заверять юридически, — И она очень внимательно посмотрела на бабушку Дину.

— Не докажешь, — взъерилась та.

— И не планировала, - рассмеялась мама.

Дядя Герман заверил два листа, потом их оба сфотографировал и отправил, как он сказал Дмитрию Сергеевичу. Один лист отдал маме, второй — бабушке.

— Давайте я вас хоть подвезу.

— О, было бы очень чудесно. До вокзала нас подкинете? У меня уже билеты есть, и мы немного опаздываем.

Мама с Ромкой сели в машину. Бабушка всё о чём-то ворчала, грозилась. Но её никто не слушал. Уезжая, мальчик смотрел в заднее стекло машины. Казалось, он навсегда прощается с этим домом. А тот стоял какой-то грустный. Была тёплая осень, на деревьях разноцветные листья, в лазурном небе яркое солнце. Но белый дом стал каким-то серым. Солнечные зайчики не прыгали, как обычно, от окна к окну. Ветер не шептал в листве свои зачарованные сказки. Даже в водопаде вдруг перестала журчать вода.

Тут Ромке показалось, что в окне, где была спальня родителей, смотрит кто-то. Какой-то маленький человечек, почему-то зелёного цвета и в рыжей шапочке. Как точно он выглядит, с такого расстояния, мальчик разглядеть не смог, но увидел у того огромную улыбку. А самое

удивительное, что от человечка по дому расходилась как будто паутина грязно-зелёного, даже какого-то болотного цвета.

Ромка зажмурился, встряхнул головой, открыл глаза. Но ни человечка, ни паутины уже не было. Видимо, померещилось.

Когда машина уже выехала из ворот и повернула на дорогу, сзади появился пёс Хулиган. Он обычно охранял мини-зоопарк в конце двора. А тут сорвался и побежал за машиной.

— Дарья Николаевна. Он ведь не отстанет. Может, заберёте с собой?

— Ох, я бы и его, и Топтошку забрала. Но у меня нет на Хулигана ни билета, ни документов. Кто нас в поезд с ним пустит.

Вдруг машина резко остановилась. Герман Андреевич вышел из машины, открыл заднюю дверь. Через несколько минут в неё запрыгнул жутко запыхавшийся, но счастливый пёс. Он сразу стал облизывать лицо Ромки и руки маме.

— Герман Андреевич... — Хотела что-то сказать мама. Но дядя Герман, сев за руль, улыбнулся.

— У меня, знаете ли, милочка, давно не было выходных. А так иногда хочется выехать на природу, попить парного молока, сходить утром на рыбалку. У вашего батюшки же есть удочки? Найдётся в доме лишняя кровать для старого юриста на пару дней? Едем на моей машине. А то я свой крузак так и не опробовал на дорогах России.

Брови мамы поднялись вверх. Потом она звонко рассмеялась.

— Ох, Герман Андреевич, Герман Андреевич. До чего же вы хитрец! Я с вами так не расплачусь.

— Ничего! Я просто не буду вам платить за постой. И знаете, что... Топтошку мы тоже отсудим, если вы найдёте, где он сможет у вас жить.

Мама опять тихо рассмеялась, повернулась к окну и замолчала. Только Ромка видел, как по её щеке ползёт одинокая слеза.

Только Хулиган счастливо высунул морду в окно автомобиля. Он ехал навстречу приключениям. Они все ехали навстречу приключениям, но пока не знали об этом...

Первая встреча

Машина притормозила возле ворот участка бабушки Тани и дедушки Коли. Дарья Николаевна вышла, размяла ноги и пошла к дому.

Ромка спал. Ему снилось, как злая колдунья (копия бабушки Дины) выгоняет их из дома и грозит вслед трубой от пылесоса.

— И чтобы духа вашего тут не было. А то, как выскочу, как выпрыгну, полетят винтики со шпунтиков! — кричала она.

А добрый волшебник (копия Германа Андреевича) укрывает их с мамой в своей карете из огромной тыквы. Потом они едут куда-то, а Ромка объедает стенки кареты. На вкус они были как пряники, которые иногда готовила кухарка Варвара.

Но тут проснулся пёс Хулиган и с громким лаем бросился за хозяйкой, разбудив мальчика. Потом резко остановился возле забора, размашисто завилял хвостом и крадучись потянулся в сторону будки, которая была во дворе.

Из будки грациозно потягиваясь, вышла Галька. Собака была явно той же непонятной породы, что и Хулиган. Только пёс был весь белый (когда не был грязный), а Галька была вся в пятнах, как и галька на дороге. Собаки обнюхали друг друга со всех сторон. Потом Галька вильнула хвостом по морде Хулигана и побежала куда-то за огород. Естественно, пёс за ней.

В этот момент из дома вышел дед Коля. Это был высокий худой, но жилистый мужчина лет пятидесяти. Волосы его были светлые, но не седые. Или седина была плохо видна в таких волосах, или её там вообще до сих пор не было, что было бы очень удивительно в его-то возрасте. Но...

Дедушка подошёл к машине, поздоровался с Германом Андреевичем, взял вещи мамы и рюкзачок Ромки и пригласил всех в дом.

В доме пахло пирогами и щами. Мальчишка сразу понял, что он жутко проголодался. Попросить вымыть руки и сесть за стол его даже не успели. Когда бабушка вышла с кухни, Ромка уже сидел за столом, с жадностью рассматривая накрытые тканевой салфеткой пироги, и облизывал ложку.

Бабушка была немного полновата, но это не портило её вид. Даже придавало какого-то шарма. Её, наполовину седые, волосы были собраны в длинную толстую косу и закручены на голове баранкой. Из-за этого бабушка казалась даже моложе своих лет.

— Боженьки, солнышко ты моё, голодный ведь совсем, — всплеснула руками бабушка, поцеловала внука в макушку и налила ему тарелку щей.

Пока довольный Ромка уминал первое, к столу подтянулись и мама, и дедушка, и Герман Андреевич. Они ели и что-то тихо обсуждали. Ромка сначала пытался прислушиваться, но на второе была его любимая картошка с курицей. От удовольствия он жмурился как кот. Вот кисель мальчишка не любил. Какая-то плохо пьющаяся жижа совсем ему не нравилась, хотя и пахла вкусно смородиной. Тогда бабушка налила ему чай с малиновым вареньем и дала пирожок с яблоками и пирожок с яйцом. Вкуснотища.

Пирожок с яблоками Ромка съел вместе с чаем, а с яйцом прихватил с собой. Отпросился погулять и убежал.

Дом, конечно, был меньше гораздо, чем тот, в котором раньше жил мальчик. Но тоже довольно большой. Это был добротный двухэтажный сруб. В нём было несколько комнат, ванная, туалет и печка. Печка была больше для интерьера, но её тоже топили для придания дому уюта и естественного тепла. Да и сама печка была очень красивая. На белых изразцах красовались синие растительные узоры и картинки из разных сказок. Там были и коза с козлятами, и волк с лисой, и теремок с мышкой и лягушкой, и много чего ещё. Даже некоторые иностранные сказки затесались. Больше всего Ромке нравилась картинка с большим, толстым котом,

который сидел с гуслими в лапах на цепи возле дуба. Казалось, что сейчас он двинет лапкой по инструменту, и гусли заиграют волшебную мелодию, а кот запоёт песню.

И тут Ромка услышал какие-то всхлипы. Он прислушался. В тёмном углу возле печки кто-то явно плакал. Мальчик на цыпочках подкрался и заглянул в небольшой проём, который отделял печь от стены.

На полу стоял перевёрнутый вверх дном чугунок. А на чугунке кто-то сидел спиной к Ромке. Этот кто-то был мохнатый и размером с крупного кота, но очень тощий. Шёрстка была вся мокрая и серая. Свисала какими-то грязными комками. На голове были уши, как у кошки. Они были жалостливо опущены вниз. Этот зверёк тёр глазки ручками. Прямо настоящими ручками. Только пальчиков было четыре. На спине свисала какая-то то ли тряпочка, то ли кожаная накидка. В некоторых местах в этой накидке были дырки. Хвост был с кисточкой на кончике, как у льва, только маленький.

«Интересно кто это?» — подумал Ромка: «Обезьянка, что ли... Откуда это у деда с бабушкой обезьянка. И почему она плачет?»

— Не плачь, — сказал он зверьку и протянул оставшийся пирожок с яйцом.

В этот момент зверёк повернул голову к мальчику, распахнул свои огромные ярко-фиолетовые глаза. Почесал свой нос... пятак и... раскрыл крылья. Да-да. Это была не накидка, а крылья. Дырявые, обвислые, но крылья. Мальчик отпрянул от зверька, не удержался и грохнулся на попу. В этот момент его голубые глаза тоже стали огромными.

— Ты...ты... ты... кто? — заикаясь спросил Ромка, как будто зверёк мог ему ответить. Но тот действительно ответил. Прямо по-человечески ответил. На нормальном русском языке.

— Шифя я, — потом зарыдал ещё громче. — Всё, я пропал. Меня уже люди видят. Что теперь со мной будет. Ууууу, — но выхватил из рук Ромки пирожок и стал запихивать его себе в рот, смешно двигая своим носом-пятачком. — Пвиучаюсь, да. Стопы наво мной все вмялишь.

Из-за того, что он жевал пирожок, понять нормально, что этот Шифя сказал, было трудно, но Ромка примерно понял.

— Нет, плёсто лешил тебя угостить, чтобы ты не плакал.

Мальчик никогда не видел таких зверей, даже в книжках. И тем более никогда не слышал, что животные могут говорить по-человечески. Но первый испуг прошёл. А Шифя был такой забавный. Что Ромке даже захотелось его погладить.

Тут к нему подошла бабушка.

— Ромочка, а с кем ты здесь разговариваешь? — спросила она.

— Вот с ним. Это кто, бабушка? — ответил внук и показал на зверька.

Бабушка заглянула в указанном направлении.

— Так, чугунок это, — удивилась она. — А я-то его по всему дому ищу, а он за печкой. А ты, что это вдруг с чугуном разговариваешь? Не заболел? Может, переел с голодухи? — забеспокоилась она.

Ромка жутко удивился, что бабушка не видит Шифю, но сразу смекнул: тут что-то необычное и интересное.

— Всё нольмально бабуленька. Это я игляю в Телемок. Помнишь, ты мне такую сказку читала? Можно я ещё с чугуном немного поигляю?

— А, ну хорошо, золотко моё. Играй на здоровье. Можешь пока его себе оставить. Мы вчера новый купили, — успокоилась бабушка и ушла.

Ромка опять стал рассматривать Шифю. Тот, в свою очередь, склонил голову набок, одной ладошкой взялся за подбородок, стал его разминать своими маленькими пальчиками и тоже рассматривать, но уже Ромку. Тут мальчик увидел, что на животике у зверька совсем нет шёрстки. И розовое пузико смешно вжимается и раздувается при дыхании.

— Кто же ты на самом деле и почему тебя бабушка не видит? — спросил Ромка.

Точно одновременно с ним, прямо в унисон, Шифя спросил мальчика:

— Значит, меня люди всё же не видят. Но ты видишь. Почему?

Они оба замолчали, а потом расхохотались.

— Домовой я, — отсмеявшись, вдруг сказал, Шифя. - Дом мой снесли, новый строят. А заветных слов не сказали. Так что я теперь бездомный домовый. Вот и забрался в первый попавшийся пустой дом.

— Как это пустой? — удивился Ромка. - Здесь же бабушка с дедушкой живут. И животных полно. И вообще. Какой домовый. Такие домовые не бывают. Я в книжке видел какие они. А ты совсем на них непохож.

— Стоп, стоп, стоп, — ответил Шифя, помотав головой, как будто сбрасывая что-то. — Во-первых, пустой не от жильцов, а от домовых. В этом доме нет домового. Но чтобы он тут появился, нужно слова заветные сказать. А их, видимо, ни хозяйка, ни хозяин не говорили. Вот и нет здесь домового. Во-вторых, почему не такой и что значит: ты видел. Ты можешь видеть душиков? И какой же я, по-твоему, должен быть? А?

Шифя упёр лапки-руки в бока.

— Сейчас я тебе покажу, — Ромка вскочил и побежал к своему рюкзаку. Достал оттуда одну из книг, где была и сказка про домовёнка Кузю и Нафаню. Там были красочные картинки. Он опрометью пустился обратно к печке, боясь, что за это время Шифя исчезнет. И он исчез...

Когда мальчик подбежал к углу, то там стоял только чугунок. Плечи Ромки опустились, голова поникла, книжка выпала из рук на пол и раскрылась как раз на картинке с Кузей.

Вдруг где-то сзади раздалось похрюкивание, почавкивание и какое-то шебуршение. Ромка оглянулся. Шифя спиной вперёд волок в свой угол репку. Бабушка разложила их для просушки недалеко от входной двери. Пока зверёк тащил репку, он её успел понакусывать. Но споткнулся об книжку и завалился, потянув репку на себя. Та с радостью стукнула Шифу по лбу и откатилась к чулунку.

— Что ты тут раскидал! Ни пройти, ни проползти, — проворчал зверёк, потирая голову.

— Уля! — радостно прошептал Ромка. — Я уж испугался, что ты исчез.

— Ага, а ещё приснился, померещился, показалось, это просто тень так легла, это кошка чья-то забежала... или что вы там ещё себе придумываете, лишь бы домового не уваживать. — И он опять смешно задвигал своим пяточком.

— Так во же. Я тебе книжку с кальтинкой плинёс. Вот, смотли — это домовёнок Кузя.

Шифя внимательно рассматривал картинку. Поднял лист и посмотрел под ним. Потом обошёл вокруг книги, не отрывая взгляда от рисунка.

— Так, ну это не домовый. Я таких не знаю. И притом, как же он будет по дому перелетать, если у него крыльев нет. А если, нужно срочно на чердак подняться. То, как? По стене, как таракан, что ли?

Мальчик задумчиво почесал затылок.

— Вообще-то, да. В мультике он по стене бегал. Даже маленькие следы оставались.

— Чушь какая-то. И разве можно бесшумно красться в ботинках или, что у него там. Лапти, что ли... Всё равно не получится. Вот у меня мягкие лапки. На них можно, — и он показал на свои ножки. — А тут... Нее. Это не домовый. Это, наверное, кто-то из ваших придумал, а потом всем рассказал. Все и стали так рисовать.

— Ну может быть... — не стал спорить Ромка. - А ты тут надолго?

— Да не. Пару дней перекантуюсь, если хозяева заветные слова не скажут, то пойду искать другой дом. Где будут рады домовому.

— А зачем дому домовый? И кто такие душики? Ты сказал, что я их видеть могу.

— А, ну да, сказал. Душики — это как бы маленькие души дома, дерева, даже иногда горы. Сейчас ещё новые стали появляться. В машинах ваших поселяются. Вот если машина долго служит, то там точно душик живёт. Или душечка.

— А кто такой душечка?

— Не такой, а такая. По-вашему, это девочка. Или ты думаешь мы этим, как его, почкованием во, размножаемся? Хих. Нет. У нас тоже пары есть: мальчик и девочка. И у них детки рождаются. А как деткам лет по сто исполняется, они ждут призыва в новый дом и уходят. Если вдруг в доме что-то падает да разбивается, значит детки народились. Они первые лет пятьдесят ох какие озорные. Глаз да глаз нужен. А потом нормально, родителям помогают и учатся работе домового.

— Так, а зачем дому домовый-то?

— Да ты что? Глупый, что ли. За домом же следить. Чтобы порядок был, чтобы молоко некисло, когда не нужно, плесень не появлялась, крыша не прохудилась, стены не разваливались, пожара не было или там потопа какого. Сейчас ещё новая забота прибавилась. Вы тут всякой... этой, как её, а вот — техники напридумывали. Тоже ж следить нужно, чтобы работала исправно. А её ж ещё понять нужно сначала. Как устроена-то. Ну и есть же лихачи всякие, что хотят в доме поселиться, жильцов рассорить. Они этими ссорами и питаются.

— Лихачи? — удивился Ромка. Ему сразу вспомнился зелёный человечек в окне спальни родителей.

— Ну да. По-вашему, злые духи. Вот их и нужно отгонять от дома-то. А уж если вы и дворового не призвали, то домовому приходится и за огородом, и за скотиной присматривать. Иль ты думаешь, хозяйка сама по себе в самую рань встаёт, чтобы корову покормит и надоить. Ан нет. Это мы её тихонько будим. Иногда и петухом прокричать приходится. Если он есть, конечно. А там уж и эти хвостатые сами голосить начинают.

— А вы гадости делаете?

— Ну неееет. Так, чуть пошалить можем, конечно. Но не сильно и по-доброму. А гадости это лихачи только делают.

— Знаешь. А ведь в том доме, где я ляньше жил, папа на маму постоянно люгаться начал. А потом нас из дома выгнал, — вздохнул Ромка.

— О, не иначе лихачи постарались. Жаль, что вы не догадались домового себе призвать.

Ромка опять тяжело вздохнул. На душе стало чуть полегче. Значит, папа не из-за него на маму ругался, мальчик не виноват, а виноваты какие-то там лихачи. Наверное, тот самый зелёный человечек. Но всё равно было очень грустно.

— А как вас плизывать? Лясскажи. Давай я тебя плизову.

Шифя грустно посмотрел на кусок ботвы, оставшийся от репки, которую он сгрыз, пока разговаривал с Ромкой. Потом тяжело вздохнул.

— Нельзя нам такое рассказывать. Сами люди должны догадаться.

— Ну Шифечка, ну, намекни хотя бы. Ну, домовый, ты же мне очень-очень нужен в доме. Поселись у нас. А я уж тебя не обижу, — взмолился было Ромка, но тут за окном на совершенно ясном небе сверкнула молния, а дом, как будто облегчённо вздохнул. По всем комнатам прошёлся лёгкий тёплый ветерок. Распахнулись окна. В печке вспыхнул еле тлеющий огонь. А на столе, за которым ещё сидели взрослые, подлетела вверх тканевая салфетка над пирожками. Правда, когда она опустилась, создалось ощущение, что пирожков стало немного меньше.

Шифя довольно зажмурился, заурчал как кот. В его ручке уже не было ботвы от репки, а был пирожок. Мокрая обвислая шёрстка вмиг стала сухой и пушистой. При этом она очистилась и стала беленькой, а не серой, как сначала показалась Ромке. Домовёнок расправил свои крылья. Они были целые. Все дырочки куда-то исчезли, заросли. Он взмахнул ими, немного взлетел, покрутился как юла вокруг своей оси и опять опустился на чугунок.

— Ну вот, я же говорил, что человек сам должен заветные слова найти. Для каждого они ведь свои, особые, — проурчал он, помахивая из стороны в сторону своим хвостиком с кисточкой, и засунул в рот пирожок, почавкивая и смешно шевеля носиком-пяточком.

Из кисточки хвостика в разные стороны распространялась какая-то радужная пелена. Интересно, а что теперь будет?

Первое волшебство

Ромка рассматривал обновлённого домового. Такой он был милый и пушистый, что мальчику очень захотелось его потрогать.

— А можно тебя погладить? — неуверенно спросил он.

Шифя перестал есть пирожок, внимательно посмотрел на Ромку и задумался, опять почёсывая свой подбородок.

— Вообще-то, обычно мы не разрешаем никому себя даже трогать. Но раз ты меня позвал, спас, можно сказать, от скитаний... Так и быть. Попробуй, погладь. Самому интересно стало.

И домовый повернулся к мальчику спиной. Втянул в себя крылья, да так ловко, даже полосочки от них не осталось. Спинка была вся пушистая. И не догадаешься, что там были крылышки.

На спинке, правда, остался горбик. Ромка подумал, что этот горбик и есть спрятанные крылья.

Он осторожно сначала просто дотронулся ладошкой до шёрстки. Она оказалась очень мягкая, шелковистая и просто притягательная. Мальчик, уже более смелее, провёл рукой по всей спине.

И тут домовёнок выгнулся под движение руки Ромки и издал какой-то странный звук, очень похожий на кошачье урчание.

— Ух ты! — сказал Шифя. - А это оказывается очень приятно. Давай, гладь ещё.

Мальчуган, с огромным удовольствием стал наглаживать спинку домовёнка. А тот урчал котом, с каждой минутой громче и громче. Даже глаза закрыл от наслаждения и есть перестал. При этом Шифя вилял хвостиком, из которого в разные стороны опять распространялось какое-то радужное свечение.

И вдруг, после неудачного нажатия, из верха спины домового вылез пирожок. Ромка даже отскочил, испугавшись, что сломал Шифю.

— Ну, чего остановился? — возмутился тот и укоризненно посмотрел на мальчика.

— Там... Там... Там... — начал заикаться Ромка, не в силах сказать, что же там, но указывая на спинку домового. Шифя закинул ручку за спину, нащупал второй пирожок и звонко рассмеялся.

— А там у нас кармашек. Мы туда запасы складываем, или инструменты, или ещё что нужно. А наши душечки в нём деток иногда переносят, пока те совсем маленькие.

— Как у кенгуру, только сзади?

— Слово слышал, кто такие не видел. Не знаю.

Ромка опять схватил книжку и стал искать картинку со сказкой, в которой был и кенгурёнок.

— Вот, — радостно показал он рисунок Шифе. Но тот нахмурился, перекрестил руки на груди и выпятил вперёд свой розовый животик. При этом он стал стучать по полу одной ножкой, хвост поднялся высоко вверх и перестал распространять радужку.

— Ты что это удумал. Хочешь сказать, что я, такой милый и красивый, похож на это длинное не пойми что! Заяц-переросток, какой-то.

В этот момент раздался звон разбившейся чашки.

— Ох, ты ж, — воскликнула мама. - Мамочка, прости, пожалуйста, я даже не понимаю, как она у меня из рук выскользнула.

— Ничего, на счастье, — ответила бабушка Таня и засмеялась. - Я таких штук 10 купила, на всякий случай. Отец уже четыре расколошматил. Эта пятая.

Ромка задумался, посмотрел на надутого от обиды Шифю.

— Это ты чашку разбил?

— Ну да, бывает иногда, когда обижаюсь или расстроюсь сильно, — вдруг сжался виновато домовёнок. — Но и ты хорош, сравнивать меня с этим монстром.

— Прости. Просто у них тоже есть кармашек, только на животе.

— На жи-во-те! — удивлённо протянул Шифя. — Это же совсем неудобно. Бегать будет мешать, когда на животе что-то висит. Даже не наклонишься нормально.

Мальчик задумался. Домовёнок явно был прав. Не зря же рюкзаки носят на спине, а не на груди или животе.

— Ромка, — позвал мальчика дедушка Коля, неожиданно заглянувший в его уголок. Домовой тут же спрятался под чугонок. — Не хочешь на речку сходить? К нам тут утром лебеди прилетели. Думаю, завтра уже дальше полетят. Пойдём посмотрим?

У ребёнка загорелись глаза.

— Ты же не обидишься, если я схожу, посмотрю? — прошептал он Шифе.

— Иди уже. Я пока с хозяйством подробнее ознакомлюсь. А то пробежался так... быстро. Вскользь... Не всё успел разглядеть хорошенько, — ответил домовой и... исчез.

Лебеди были очень красивые. Белые, крупные. Они вытягивали вверх головы и что-то кричали в небо. Некоторые обнимали друг друга шеями.

— Вот, видишь, Ромка. Это лебедь и лебёдушка. Они создают только одну пару на всю жизнь. И очень верные, — рассказывал дед.

По берегу радостно прыгал пёс Хулиган и громко лаял на птиц.

Тут один из лебедей, который явно спал, засунув голову под крыло, вытащил её, внимательно посмотрел на мужчину с мальчиком, на собаку, грозно загоготал и припустил из воды прямо на зрителей. Остальные лебеди увидели манёвр своего собрата и бросились помогать, явно ругаясь на что-то.

— Знаешь, Ромка... — прошептал дедушка. И вдруг громко крикнул. — А ну их, бежим. Хулиган, домой.

Схватил внука на руки и помчался прочь от разъярённых птиц. Пёс пронёсся вперёд деда на спринтерской скорости и быстро исчез из вида.

Так как Ромка сидел на дедушке, то прекрасно видел, что происходит у него за спиной. Стоило им с дедом и Хулиганом побежать, как первый лебедь остановился, отряхнулся, ещё несколько раз что-то прогоготал вслед удаляющимся людям с собакой, сел на землю и опять заснул, спрятав голову под крыло. Остальные лебеди тоже резко передумали куда-то бежать или лететь и стали продолжать грациозно плавать.

Ромка пару раз хрюкнул, а потом громко рассмеялся.

— Деда, стой. Отпусти меня. Они уже успокоились и больше не нападают.

Николай пробежал ещё несколько шагов, потом обернулся, посмотрел на грозных птиц, которые стали опять очень мирными и милыми.

— Вот же ж. Не понравилось им, видите ли, что мы подглядываем, — проворчал он, спуская Ромку на землю. — Ишь ты, какие гордые оказались. Или Хулиган спать мешал своим лаем, — и тоже громко рассмеялся. — Давай не будем дома рассказывать о нашем геройском побеге. Ладно?

— Ладно... — согласился мальчишка.

Когда они пришли домой, то застали очень странную картину. Бабушка, мама и дядя Герман стояли возле стены с очень озадаченными лицами и рассматривали её. Ромка помнил, что там, куда они все трое смотрели, была раньше большая трещина. Дед всё обещал её заделать, но так и не выполнил пока своего обещания. В обед трещина точно была. Мальчик её отчётливо видел. Потому что пока ел, пытался рассмотреть: что там такое розовенькое торчалось. То ли листик, то ли кусочек ткани, то ли бумажка какая-то, а может цветок. Но сейчас в этом месте была совершенно ровная стена с нарисованной розовой ветреницей на месте трещины.

— О, вернулись, — оглянулась бабушка. — Ты когда, Коленька, успел трещину заделать. Что-то я утром не заметила. Вчера она точно была.

— А я и не заделывал, — удивлённо пробормотал дед и тоже уставился на стену.

— Может, у нас галлюцинации? — уточнила мама.

— И кто нам их навеял? Домовой, что ли? — засомневалась бабушка.

А Ромка бросился в свой тайный уголок.

Шифя, конечно же, сидел там и довольный доедал второй пирожок. Увидев мальчика, он подскочил и зататорил.

— Слушай, дом хороший, кое-где пришлось подлатать, конечно. Но это и понятно, без домового-то, сколько был. А вот техника у вас тут мне совсем незнакомая. Я буду долго разбираться, что к чему. Ты мне потом расскажешь, ладно? — и расплылся в широкой улыбке, оголив около тридцати зубов. Среди них были четыре длинных клыка. Ну вот есть кот. Ведь даже усы длинные возле пяточка шевелятся.

Ромка слегка ударил себя рукой по лицу.

— Там взрослые с ума сходят, куда делась трещина в стене, а он тут улыбается...

Шифя задумчиво почесал затылок.

— Да, что-то я поторопился на радостях. Не подумал. Ладно, пошли.

Он вышел из своего убежища и направился прямо к взрослым. Потом взлетел и завис над ними. Хвост стал болтаться из стороны в сторону и опять выпускать радужное сияние на головы людей. При этом Шифя что-то бормотал себе под нос.

— А чего это мы тут стоим и на стену пялимся? — спросила бабушка.

— Так, ты показывала, какой реалистичный цветочек нарисовала, — ответила мама.

— Правда, совсем как живой, — подтвердил дядя Герман.

— А когда это ты рисовать научилась? — удивился дед. Шифя тут же добавил сияния над ним. — Хотя да, ты рассказывала, как в детстве рисовала, а потом забросила.

Ромка выдохнул.

— А ты вообще всё можешь наколдовать людям? — поинтересовался он шёпотом.

— Не, только сны и немного подправить воспоминания. Особенно, если они тягостные и не дают хозяевам спокойно жить. Но совсем немного. Сильно вмешиваться нам нельзя. Исчезнуть можем. Ты вот даже не заметил, а я тебе «Р» наколдовал. Ты же раньше её не выговаривал? Только булькал смешно.

— Ой, и пррррава, прррр

— Кто это? — почему-то басом вдруг спросила мама и показала на летающего над дедом Шифю.

— Кто — кто? — переспросила бабушка. — Я никого не вижу. Комар, муха, пчела?

— И я не вижу никого, — надел очки дядя Герман.

А дед загадочно улыбнулся, потёр подбородок и...

— Ну здравствуй, Шифя. Давненько мы не виделись. Лет тридцать поди, а то и больше. А ты совсем не изменился.

Тайны прошлого

— Всем спать! — вскричал Шифя, плюхнулся на стол и поднял целый фейерверк радужных искр.

Дядя Герман тут же присел на стул, прислонился к стене и захрапел, иногда причмокивая во сне. Бабушка потянулась, широко зевнула и направилась в свою комнату, бормоча себе под нос:

— Что-то я так сегодня устала, аж спать тянет. Может, перенервничала. Столько новостей... Столько новостей... Пойду вздремну часок.

Мама с удивлением и каким-то ужасом смотрела на дедушку. Ромка тоже уставился на него. А потом они одновременно спросили:

— Ты тоже его видишь, пап?

— Ты тоже его знаешь, дед?

А Шифя осторожно подполз к деду и как будто обнюхал его. Тот же наблюдал за домовёнком, широко улыбаясь, и, почему-то, потирая ладони.

— Лыжитю! — вдруг завопил Шифя. — Ты, что ли?

— Я, Шифя, я. — упёр руки в бока дед. — Ты как тут очутился?

— Так, Сенька дом продал, его снесли. А куда мне податься? — развёл руками домовёнок. — Вот и слонялся тут от избы к избе, пока Ромка не позвал к себе.

— Ох, ты ж. Внучок, сумел-таки. Значит, ты теперь наш домовой? Это хорошо! Это просто замечательно!

Пока Шифя с дедушкой разговаривали, мама с сыном, не сговариваясь, переводили взгляд (вместе с головой) то на Николая, то на домовёнка.

— Так, стоп! — вмешалась в обсуждение мама и затараторила. — Папа, это кто? Почему он так странно выглядит? Почему его не видит мама? Почему он назвал тебя Лыжитю? Почему ты говоришь, что вы не виделись больше тридцати лет? Что значит — он наш домовой? Это оборот речи или по-настоящему? Но ведь домовых не бывает? Почему...

— Ух ты... — перебил её Шифя восторженно рассматривая. — Вот, что значит, девочка! Столько вопросов за... — он посмотрел куда-то вверх, как будто что-то, прикидывая — пять секунд. Здорово!

— Да уж. Даже я от тебя не ожидал такого, доченька, — подивился дед.

— Мне нужны ответы! — медленно проговаривая каждое слово, выдала мама.

— Ну что ж. Тогда присаживайтесь. Это длинная история. Шифя, хватит воровать пирожки. Хочешь, я тебе щей налью, поешь нормально, пока я буду рассказывать?

Домовёнок скорчил недовольную физиономию. Ему явно понравились пирожки, и ничего другого он не хотел. Ромка рассмеялся.

— Ты прям как ребёнок, честное слово.

— Ну-у... — протянул Шифя. Вообще-то, мне всего сто сорок восемь лет. Я только сорок семь лет, как один живу. Без родителей. А вот моему папе было семь тысяч лет. Так что для домового, я ещё почти ребёнок.

— Семь тысяч... — в один голос удивились мама с Ромкой.

В этот момент дедушка принёс тарелку со щами. Аромат от них шёл изумительный.

— Вот тебе к ним ещё твоя любимая сметана, — хитро улыбнулся Николай.

Пятачок домовёнка смешно задвигался из стороны в сторону принохиваясь. Потом он немного зажмурился от удовольствия и уселся прямо на столе возле тарелки. Навалил себе три ложки сметаны с горкой в щи и принялся есть, громко почавкивая.

— Итак, — дедушка налил себе чай и сел в своё любимое кресло. Мама с Ромкой пристроились на диванчике напротив. — Шифя действительно домовой. Да, они бывают. Правда, сейчас, люди слишком стали научные и забыли, как общаться с духами природы. У нас в доме тоже жил домовый. Фишила. Папа Шифи. Вот он-то и рассказал мне много интересного.

Существует несколько воплощений нашей Земли. Сейчас это называют: параллельные реальности. Но каждая реальность развивается своим собственным путём. И совпадений почти нет. В каких-то реальностях есть и магия. Да-да. Та самая магия, о которой мы читаем в сказках. Однажды, это было около ста двадцати тысяч лет назад, произошёл какой-то коллапс. Несколько реальностей вдруг соединились. Годы и годы они находились в пересечении. Одна из реальностей Земли была ледяной пустыней. Другая — сплошной жарой. В третьей жили гиганты, которые были магами и волшебниками. В четвёртой — маленькие человечки. В пятой — необычные существа: драконы, кентавры, русалки... И только у нас были привычные нам животные и люди.

Динозавров уже давно не было. Но, возможно, там тоже был какой-то межмировой коллапс.

Так вот, на планетах начали происходить странные вещи. Во-первых, климат одной реальности, вдруг, начинал как бы перескакивать на планету другой реальности. Поэтому у нас, да и на других Землях происходили смены глобального похолодания и потепления. Закончились эти встряски где-то тысяч двенадцать назад. Во-вторых, можно было, идя, например, по знакомой дорожке к дому, угодить на планету другой реальности, но не имея при этом возможности выбраться обратно. Обитатели нашей Земли попадали к ним, а оттуда — к нам. Поэтому, люди... наши обычные люди, видя всех этих необычных существ, конечно же, их боялись. Рассказывали друг другу истории, которые случались с ними. Потом эти истории передавались дальше, обрастая новыми нюансами. Порой, узнать в итоговом варианте первоначальный рассказ было уже почти нереально. — он чуть усмехнулся и продолжил. - Так и появились сказки, былины, сказания... Маги же становились для обычных людей богами. Не все маги, правда были порядочными. Иногда почитаешь, вон, легенды Греции, или Индийского эпоса, и диву даёшься на некоторых, так называемых богов.

Шло время. Реальности постепенно стали отдаляться друг от друга. А так как в нашей атмосфере не было магического слоя, то волшебным существам негде было подпитываться. Они начали умирать. И вот, один из очень сильных магов придумал одну хитрость.

Он нашёл место, где его родной магический мир соприкасался с нашим. Это, как всегда, был тоннель только в один конец: от них к нам. Но оттуда можно было притянуть магию. И тогда он втянул в себя столько магической энергии, сколько смог выдержать и сотворил великое волшебство, отдав все свои силы. Это волшебство помогло выжить многим магическим существам. Но только тем, которые были маленького размера. На крупных возможностей у мага уже не хватило.

А сделал он вот что: он соединил этих существ с природными объектами. Так появились Лешие, которые могли жить только в лесу и черпать энергию для жизни от деревьев, маленькие человечки с крылышками стали феями цветов, в горах поселились гномы, в реках да озёрах водяные. А те, кто в момент волшебства находились в домах, стали домовыми. И только имея своё место, каждое из этих существ, может жить и... немного колдовать.

Домовые, кстати, не все, такие как наш Шифечка. Есть в виде старичков, есть в виде простых паучков. Поэтому и говорят, что нельзя убивать паука. Лучше вынести его из дома. А если это не паук, а домовый, то он сам вернётся и спрячется получше.

В этот момент Шифя уронил ложку. Он сидел с круглыми глазами и открытым ртом, слушая дедушку Колю. От последних слов мама поморщилась и прошептала:

— Хорошо, что наш на кошку больше похож, а не паука.

— А я и не знал... — поражённо проговорил одновременно с ней домовёнок. — Значит, мы разные... И как тот Ромкин Кузя тоже бывают?

— Это ты про Кузю и Нафаню, что ли? — переспросил Николай.

— Ага.

— Ну да, бывают. Не совсем такие, но похожи чем-то, — засмеялся дедушка. — Так вот. Продолжу. Говорят, что когда все реальности разъединились, то какие-то части нашей Земли остались там, а что-то осталось у нас. А ещё остались несколько небольших проходиков. Кстати, я вот сейчас подумал, может быть, Атлантида и утонула в какую-то другую реальность...

— Интересно, а почему мне мой отец это не рассказывал, а тебе рассказал? — поинтересовался домовёнок.

Дедушка хитро улыбнулся.

— Мне Фишиля говорил, что, когда он сел это всё рассказывать, ты по-тихому сбежал в кладовку, где моя бабушка ягоды сушить разложила. Потом он ещё пару раз пытался, но ты всегда к еде убегал. Вот и не узнал историю своего рода. Ешь больно много.

Шифик надулся, но есть не перестал. А дедушка продолжил.

— Если на планете есть какие-то аномальные зоны, которые учёные не могут объяснить — это точно место межреального прохода. Бермудский треугольник, вот. Сто процентов такое место.

У нас в России тоже было такое место. Про Бабу-Ягу же слышали? Так вот, это на самом деле ведунья (их, правда позже ведьмами стали называть и злыми изображать). Ведала она многими знаниями, а главное, местом, где есть такой переход. И стерегла его, чтобы кто случайно не сгинул в другую реальность-то.

Долго Ягинюшка жила. Но и она не вечна. За долгий срок жизни рождались у неё детки. В основном девочки. Одну из них она себе на замену оставила, а остальные разбрелись по земле. Кто врачевателями становились, кто предсказателями, были и те, кто на чёрную тропу вступили. Только всем им, так или иначе, нужно было жить в определённом месте, чтобы силу свою не потерять. А если уходили они от земли своей, то и магию теряли, и жизнь их быстро из них вытекала.

Дар мог передаваться из поколения в поколение. А мог прыгать через одно, а то и несколько поколений.

Многие чёрные колдуньи пытались мир захватывать, прячась за спинами сильных мужчин. Да только ничего у них и не получилось. Недаром же говорят: где родился, там и пригодился. А колдуньи вдали от своей земли только умирали.

Правда, есть один способ не потерять связь с местом силы. Нужно взять горсть земли родной, да рассыпать её возле своего нового места жительства. Но и это не всё. В том месте, где землю рассыпал, нужно деревцо какое-нибудь посадить.

Но сделать это можно только один раз. Поэтому колдуньи и не могли далеко переселяться. Один раз рассыпала, деревце посадила, а и всё, — он развёл руками. — Дальше ходу нет.

— Папа, а ведь ты меня тоже просил это сделать возле дома, где мы с Митей жили...

— Просил, — согласился Николай и хитро посмотрел на дочь. — У нас ведь в роду тоже ведунья была. Прапрабабка моя Агриппина. Ей ведь двести три года было, когда она умерла. Да и то, не сама же умерла. Колдунья одна, обзавидовалась, наговорила на Агриппину, ту и погубили, — вздохнул дед. — Бабушка рассказывала, что Агриппина была очень сильной целительницей.

Ромка посмотрел на маму. Его мама была хирургом. У неё была собственная клиника. Небольшая, но очень хорошая. Там всем-всем всегда помогали. Про маму говорили, что она

врач от бога. Так значит, ей дар от пра-пра...сколько-то там раз... бабушки достался. Чудеса, прям.

— Все, кто кровно связан с существами из другой реальности, стараются держаться друг друга. Семьи создают. Но бывают и исключения. У Танечки, вот, никого в роду не было с магическими способностями. Но, она меня выходила после ранения сильного. Тогда в девяностые много бандитов развелось. Никого не щадили ради наживы. Ничего не боялись. Не о чём не задумывались, кроме денег. Вот и попал я случайно в перестрелку их. По лесу гулял, а там две группы бандитские между собой отношения выясняли. Ну мне и прилетело случайной пулей. Да хорошо так прилетело. Если бы не Танечка моя... Эхх. Прикипел я к ней за это время. Да и она меня полюбила. Вот поэтому мы с вами видим нашего... хрюшку, а она нет, — съязвил Николай, посмотрев на Шифю.

Тот так заслушался рассказа дедушки, при этом не забывая есть, что весь обляпался и сметаной, и щами, и киселём, который стоял на столе. И стал он из белого — разнопятнистым.

Когда на него все посмотрели, он скорчил удивлённую мордочку и стал вылизывать пузо. Это было так смешно, что все громко рассмеялись. Возле окна завожился и всхрипнул адвокат. Все сразу притихли. А Шифя поводил хвостом, выпуская в сторону Германа Андреевича сноп разноцветных искр. Тот снова уснул, а домовёнок стал чистеньким и беленьким.

— Очень интересно. А почему ты мне раньше этого не рассказывал? — спросила мама.

— Рассказывал. Вспомни. Ты, когда маленькая была, очень любила мои сказки слушать. Мама задумалась.

— Я же совсем маленькая была. Не понимала ничего. Правда думала, что это всего лишь сказки.

— У тебя как-то дар тогда не проявлялся. Я подумал, что ты в мать пошла и обычный человек. Ты и домового нашего не видела, даже в детстве, хотя он спал в твоей комнате, чтобы охранять. А когда ты уже взрослая стала... Вот представь, если бы я тебе это стал рассказывать, не увидь ты Шифика. Да ты бы меня в психушку сдала бы или какими таблетками пичкать начала бы.

— Вообще, да. Ты, наверное, прав. А где же наш домовый?

— Так умер. Как ты думаешь, семь тысяч лет. Он же совсем уже старенький был. А как умер, дом и стал разваливаться. Помнишь, десять лет назад, резко так осыпаться прям начал. Пришлось его сносить, да новый строить. Я и домовых призвать пытался, да видно, не те слова какие-то говорил.

— А с Шифей вы как познакомились? И почему ты — лыжитю?

— А это ещё в моё детство было. Жил у нас по соседству парень - Сенька. Он меня, правда, старше был на четыре года. Но так как мы соседи были, то дружили. Я, когда к ним первый раз в гости зашёл, маленький ещё был. Мне годика три или четыре было. Их семья только переехала в нашу деревню. И они как раз дом решили покрасить, да краску взяли... ну какую смогли взять, той и стали красить. Оранжевую.

Я захожу и споткнулся. Руками замахал, чтобы не упасть. А рядом лестница была, на которой отец Сеньки оставил краску, пока обедать ходил. Краска на меня и свалилась. Я, конечно, заорал. Сенька с родителями выбежали на крыльцо. «Ты кто такой?» — спрашивают. Я им отвечаю, что я Коля Рыжиков. А краска в рот с волос начала натекает, я отплёвываюсь. Вот у меня и получается «Холя лыжикох тю».

А этот паршивец... — и дедушка указал на домового, — как раз в их доме и обитал и, конечно, всё видел. Потом издевался надо мной, да дразнил.

— А что, смешно же... Рыжиков, стоит весь рыжий, но говорит, что-то про лыжи — засмеялся Шифя.

Дедушка погрозил ему кулаком, но глаза его при этом смеялись.

— Сенька домового не видел. Очень на это обижался. Когда мы старше стали, вообще сказал, что я всё выдумываю. Мне тогда уж лет четырнадцать было. Сеньке как раз в армию нужно было идти. И что-то мы на этой почве с ним жутко поругались. Он мне кричал, что пора из детсадовских штанишек вылезать и прекращать придумывать себе сказки разные.

— Прости, — вдруг понуро сказал Шифя. - Это я тогда домовушечкой одной увлёкся. Думал, семью с ней создам. Ничего, кроме неё, не замечал. А она другого выбрала. Вот лихач в дом и пробрался. Еле выставил его потом.

— Так вот почему у них постоянные скандалы начались... Да... — протянул Николай. — Сенька-то домой так и не вернулся. Сразу после армии, говорили, в институт поступил, потом женился и в городе остался. Родителей своих туда забрал. А дом, видишь продал, значит. Мы-то с тех пор и не общались больше. И в гости к ним я больше не ходил. Вот и не виделись мы с Шифей. А странно, почему это я даже не интересовался кто там и что там. Ведь видел же, что стройка идёт... — задумчиво почесал подбородок дедушка и внимательно посмотрел на Шифю. — Твоих рук дело?

Шифя заёрзал, потом схватил тарелку и стал её вылизывать.

— Такие вкусные щи были. Я не ожидал, прям. Хорошая хозяйка, твоя жена. Пирожок можно? Один? Последний?

И посмотрел на дедушку такими честными-честными глазками.

Первая битва

— Представляете, что-то я заснула прямо посреди дня, — в дверях появилась заспанная бабушка. — Никогда раньше не спала днём. И что на меня нашло?

Шифя тут же исчез, правда, вместе с пирожком. Возле окна завозился и дядя Герман.

— Ох, что это со мной? Видимо, свежий воздух сказался, да усталость от дальней дороги.

— А вы идите на задний двор, — предложил ему дедушка. — У нас там местечко уютное с большими качелями. Они как диван. Там и подремать можно, и укрыться есть чем. Погода хорошая, сухая, тёплая. Тем более, что на рыбалку-то завтра очень рано вставать нужно будет. Хоть сейчас отоспитесь. А к ужину я вас разбужу.

— Какая замечательная идея, — обрадовался Герман Андреевич и ушёл на улицу.

Бабушка тоже пошла с ним. Но ей нужно было покормить Гальку, а теперь ещё и Хулигана. Что-то собрать на огороде. И вообще, как она сказала: «Прохлаждаться нам некогда. Даже на пенсии не отдыхаем»

Мама убирала и мыла посуду. Варила рис на ужин. Дедушка что-то поправлял в удочках для завтрашней рыбалки.

Ромка же пошёл обустриваться в своей новой комнате. Он достал из рюкзака альбом, краски и нарисовал Шифю. Тот получился просто как настоящий.

— Ух ты!!! - Раздалось неожиданно над ухом мальчика. Он даже чуть не свалился со стульчика от неожиданности. — Это же я! Во, ты, даёшь!!

— Ты чего пугаешь? Тебе что, заняться нечем? — сурово спросил Ромка у домовёнка, но в душе ему было очень приятно, что рисунок тому понравился.

— Ну, как тебе сказать. Я тут пробежался ещё раз по дому. Зарастил трубу в подвале, а то скоро прорвало бы. Прочистил ливнёвку. Почистил дымоход от листьев. Прогнал пару мышей, — стал перечислять Шифя.

Ромка прямо даже удивился, как много всего успел сделать домовый.

— Устал, наверное? А тебе нужно отдохнуть? — спросил мальчик.

— Ха, конечно. Вот как раз, и бегал — искал, где бы себе гнёздышко соорудить.

— Ты что птица? — удивился Ромка. — Хотя да, у тебя же крылья...

— Причём тут птица. С чего это вдруг птица. Где ты видишь у меня клюв?!

— Ну ты же сам сказал, что тебе нужно гнёздышко. А гнёзда выют птицы. И потом — крылья...

— Гнёздышко — это такой оборот речи. То есть уютное место для жилья. В моём случае, место, где я буду отдыхать, спать, прятаться... — он осёкся, посмотрел на Ромку испуганно и быстро продолжил. — А крылья, ну что крылья. У Змея Горыныча тоже крылья были. Его Змеевна даже яйца несла. Но они же не птицы! Ты мне лучше скажи: как думаешь, где бы мне обустроиться?

— Не знаю... Я же не знаю, какого размера тебе нужно гнёздышко, и что там, должно быть.

— Много места не нужно. Главное, чтобы тепло было. Какой-нибудь матрасик, подушечка, одеялко, коробочка. Можно две коробочки. Нет, лучше три, нет четыре и из них три с крышкой.

Ромка аж рот раскрыл от удивления на растущую жадность домового. А потом громко рассмеялся.

— Хочешь, у меня в комнате оставайся. За печкой есть небольшое пространство. Там всегда тепло. Редко кто заглядывает. Я тебе там коробочку, то есть коробочки поставлю. Найду из чего сделать кровать и одеяло.

— Да? Здорово! — Шифя тут же обследовал место своего будущего гнёздышка. И оно ему очень понравилось.

После этого они спустились к бабушке и маме. Показали им рисунок и попросили помочь с коробочками и обустройством кровати. В доме нашлась одна большая коробка от бывших зимних сапог, которая очень подходила для кровати домовому. А вот коробок с крышками ненужных не было. Дедушка пообещал что-нибудь с этим придумать, а пока отдал один маленький контейнер от снастей, переложив те в мешочек.

Контейнер не просто закрывался. Там было что-то вроде замочка. Шифя был в восторге.

— Как чудесно, когда тебя видят, оказывается. У Сеньки обо мне так не заботились. Вот спасибо.

Мама положила коробку из-под сапог за печку в комнате Ромки. Набила ватой небольшую наволочку. Это стало матрасом для кровати. Ещё, для подушки, вату она набила в небольшой мешочек, в котором раньше хранила пуговицы. Тем пришлось пересыпаться в пакет. Немного поворчала, что всю вату в доме извела, и нужно новую теперь покупать. Дедушка принёс махровое полотенце для рук. Оно стало одеялом.

Шифя тут же влез в коробку, улёгся на свою ватную перину. Глаза его светились счастьем, а ручки крепко прижимали к себе контейнер с замочком.

— Всё, спасибо. Идите. Дайте мне одоковиться.

— Чего? — не понял Ромка

— Спать буду. Устал я. Чего не понятно-то.

Мама, бабушка и Ромка переглянулись, тут же отошли от Шифи и разошлись по своим делам. Мама принесла чемодан с Ромкиными вещами и хотела разложить их в шкаф. Но тот сказал, что всё сделает сам.

Где-то через полчаса, когда это нудное занятие — раскладывание, то есть распахивание вещей по полкам — было закончено, мальчику очень захотелось посмотреть на Шифю. Он заглянул тихонько за печку и чуть не рассмеялся в полный голос.

Шифя свернулся клубочком, как кот, вокруг своего контейнера, поверх «матрасика», «подушки» и «одеяла» и только смешно водил своим пяточком из стороны в сторону, иногда облизываясь и причмокивая. Ну ладно матрасик. Но зачем ему понадобились подушка и одеяло, если он всё равно спал сверху?

Вдруг на улице раздался громкий крик.

— Ваша Галька, драная, мне все грядки обгадила. Если вы её не приструните, живодёров на неё натравлю, так и знайте! — кричала возле забора соседка — тётя Юля.

Галька забила в конуру, рядом стоял Хулиган и громко рычал на возмутительницу спокойствия.

Бабушка выглянула из парника. Дед вышел на крыльцо. Заспанный дядя Герман, заворачиваясь в плед, показался из-за дома.

Все они подошли к забору, где горланила тётя Юля.

— О, ничего себе у вас тут подкрепление! Массовостью решили задавить! Не поможет! Вот, я всё на телефон сняла. Вот чем ваша дрянь мои грядочки «удобряет». — и она продемонстрировала всем свой мобильный и какое-то фото на нём.

Ромке из окна не было видно, что там на фотографии. Да он и не смотрел. Он смотрел на берёзу, которая росла за забором. А на ней... На ней была какая-то зеленоватая дымка. Причём она то уплотнялась, то истончалась. И тогда проявлялись чьи-то очертания. Но тут дымка исчезла совсем. Мальчик ясно увидел, что на дереве сидит странное зелёное существо с рыжими волосами. И оно ему было, явно, знакомо. Его же или такого же человечка он видел в окне своего дома, когда они уезжали с мамой и дядей Германом.

Существо было такого же размера, что и Шифя. Вместо носа у него был хоботок, который он вытянул и что-то сосал из воздуха. На голове, помимо рыжих волос, были небольшие

красные рожки. Огромные, как у Чебурашки, уши торчали в разные стороны. А сзади свисал длинный крысиный хвост с какими-то шипами на конце. Он был страшный, но и какой-то смешной одновременно.

— Это же козы какашки, — рассмотрев фотографию на телефоне, выдал дедушка. — У собак другие фекалии. Вон у тебя даже копыто рядом отпечталось. Что ты на Гальку вдруг взъелась? С чего это?

Соседка перевернула к себе телефон. Внимательно всмотрелась.

— Белка! Ах ты, дрянь! Ну я тебе сейчас задам! — прокричала она себе во двор и убежала.

Странное существо тут же опустило свой хобот. Сделало разочарованную морду. А потом посмотрело на Ромку. Тот выглядывал в окно из-за занавески. Его нельзя было увидеть с улицы. Но существо чётко посмотрело на мальчика. Он аж отпрянул.

Тут из-за печки вышел, потягиваясь, Шифя. Контейнера у него уже не было. Спрятал.

— Что за крик, а драки нет? — спросил он.

— Там соседка ругаться приходила из-за козых какашек. А я, кажется, лихача на берёзе увидел.

— Да ладно! — встрепнулся домовой. — Какой он?

— Ну... он... вот, давай нарисую?

— А, давай!

И Ромка нарисовал существо, которое увидел на дереве.

— Точно. Лихач. Как же ты рисуешь замечательно.

— Это я с педагогом по рисованию раньше занимался, — гордо сказал мальчик, но потом опустил плечи. — Теперь не смогу. Вита сюда ездить точно не будет.

— Будет — не будет, — запаниковал Шифя. — Нужно защиту срочно ставить. А то при-сосётся, не отвадишь потом.

И он опять исчез. Зато вдоль забора Ромка заметил небольшое радужное сияние. Как будто тоненькая разноцветная плёночка-пузырь стала образовываться вокруг дома и двора.

Через минут двадцать домовёнок опять появился в комнате Ромки. Он сильно запыхался. Вид его был измождённый.

— Ох, еле справился. Но теперь он нам точно не страшен. Сквозь домовую защиту ни один лихач пройти не сможет. Только есть теперь очень хочется.

— А ты когда-нибудь бываешь не голодный? — посмеялся Ромка.

— Что за наговоры! — возмутился Шифя.

— Ладно-ладно, — примирительно поднял руки мальчик. — Сейчас что-нибудь тебе найду.

Когда он уже собрался выйти из комнаты, Шифя задумчиво протянул...

— Пирожок бы с молочком. Мммм

Но тут на первом этаже что-то разбилось. Бабушка тут же начала кричать.

— Ты что, совсем безрукая стала! То чашки, теперь салатницу. На тебя так никакой посуды не напасёшься.

— Мамочка, прости. Я сама не поняла, как она соскользнула. Я же её далеко от края стола поставила, — извиняющимся тоном ответила мама.

— Убирай теперь! И пол помыть не забудь, — не успокаивалась бабушка.

— Странно, — Ромка остановился и задумался. — Бабушка никогда на маму раньше не кричала. Что это с ней?

— Что? — встрепнулся Шифя. — Никогда? Не может быть...

Тут внизу опять что-то грохнуло.

— Дед, и ты туда же, — опять послышался грозный крик бабушки.

— Да чего ты сегодня на всех бросаешься? Ну свалился стул. Что теперь. Подняли и забыли. Ты не заболела? — удивился дедушка.

— Я тебе дам сейчас, заболела. Будешь мне вместо рыбалки грядки копать, — не унилась бабушка.

— Ой, беда, — заголосил Шифя. — Я же, балда, не проверил, где лихач и сразу защиту поставил. А он, небось в доме был, — завыл домовёнок и схватился за волосы. Точнее, за шёрстку на голове. При этом пяточек его как-то грустно поник. — Теперь он выйти не может, зато всех в доме перессорить может. А-а-а-а... Что же делать?!

— Ловить, — спокойно ответил Ромка и развёл руками.

Шифя внимательно посмотрел на мальчика, почесал свой пяточек, поднял глаза к потолку, что-то продумывая.

— Да! Будем ловить! Значит так, я сейчас по всему дому буду ставить ловушки. Сходи предупреди маму и дедушку, ну и себя заодно, чтобы сразу хватали за хобот, если вдруг увидят. Их только за хобот удержать можно. И хвоста берегитесь. Если поцарапает даже — будете неделю со всеми ругаться. Понял?

— Да! — ответил Ромка, отдал честь, как постовой и побежал вниз, захватив свой рисунок лихача. А голодный домовёнок отправился расставлять ловушки.

Правда, начал он именно с кухни. И там как-то неожиданно стало меньше на две ватрушки и исчезло полпакета молока из холодильника.

Ромка отозвал маму с бабушкой в угол и стал показывать свой рисунок. Они втроем склонились над листком. Только он хотел рассказать, кто это и как его ловить, как между мамой и бабушкой повис хоботок и гнусавый голосок проговорил:

— Надо же... А похож.

Мама тут же завизжала, а бабушка схватил этот хоботок. Но тут Ромка заметил, что лихач (а это был именно он) уже замахивается на Николая хвостом.

— Шифя!!! — заорал мальчик и вцепился в хвост, чуть выше шипов. — Деда! Шипы опасны.

Мама перестала визжать, глянула на отца и своего сына, сняла с плеча кухонное полотенце (она перед этим протирала столовые приборы) и обмотала им шипы.

Тут появился домовой, стал водить хвостом перед глазами лихача, распространяя радужные искры. Тот вырывался, как мог, верещал, пытался разжать пальцы бабушки одной лапкой, а другой — убрать от своих глаз хвост Шифи. Хвост существа тоже извивался со всей силы. Его уже с трудом удерживали и Ромка, и мама вдвоём. Ещё лихач пытался вывернуться и укунить хоть кого-нибудь.

Борьба продолжалась минут пять. Но постепенно глаза пленника стали закрываться, хвост обмяк, лапки опустились и повисли вдоль туловища. Голова тоже стала клониться вперёд. Да и сам он весь притих и стал заваливаться на бабушку. Вскоре раздался протяжный храп.

— Во, силён! — восхитился Шифя. — А на что вы его поймали-то, я ещё ни одной ловушки поставить не успел.

— А что же ты делала всё это время? — удивился Ромка.

— Простите, я у вас молока немного и ватрушки взял. После установки домового защиты очень есть хотелось, — и он виновато опустил глаза. — Я больше не буду без спроса ничего брать.

— Ладно уж, — потрепал его по голове бабушка. — Будем считать, что заработал.

— Это что за чудище? И что за домовая защита? От кого? — спросила мама.

— Так вот, от него. Это лихач. Это из-за него бабушка ругалась на вас, — ответил Ромка.

— Да, они всегда появляются там, где в семье разлад начинается. А могут и сами этот разлад наколдовать. Они этой отрицательной энергетикой питаются, — встрял Шифя.

— Что же ты так плохо защиту, тогда поставил, что он всё равно пролез, — укоризненно ткнула мама.

— Я не знал, что он уже в доме. Спросонья не проверил. Как Ромкин рисунок увидел — сразу побежал ставить защиту. А он, — Шифя указал на лихача, — теперь и выйти не сможет, пока защита не спадёт. Да вот только это может быть неделю, а может и год... Так, как вы его приманили-то?

— Так, рисунком и приманили. Его небось любопытство сгубило. Он подкрался посмотреть, что мы рассматриваем, — расхохотался дедушка.

— Гооод?! - протянула мама. — И что же мы будем делать? Все переругаемся?

— Нет. Я могу его усыплять постоянно. Но это много энергии требует. Нужно только связать специальными верёвками. Но его чем-то кормить нужно будет — почесал пяточок Шифя.

— А чем они питаются, кроме энергии? — уточнила мама

— Не знаю... Вроде больше ничем... — извиняющимся тоном промямлил домовёнок.

— Засада, — констатировал дед. — Ладно, давай пока свяжем, потом разберёмся. Что за верёвки нужны?

Шифя молчал. Он то поднимал, то опускал взгляд на людей. Будто собирался духом, чтобы ответить.

— Ну, чего молчишь-то?

— Нужна обычная верёвка. Её нужно положить в таз с водой, а потом всем обитателям, кто есть в доме, смеяться возле таза не меньше пяти минут. Обязательно всем. Вода аккумулирует положительную энергетику, пропитает верёвку, и тогда лихач не сможет её с себя снять.

Повисло молчание.

— Ой, какого вы замечательного белого кота нашли. Откуда такое сокровище? — неожиданно появилась бабушка в их тайном клубе, схватила Шифю и начала гладить.

Домовой сначала опешил, открыл рот, посмотрел на своих друзей молящими фиолетовыми глазами, но потом разомлел и стал наслаждаться бабушкиной лаской.

— Интересная ситуация. Частичное видение получается, — задумался дедушка. - Или ты специально котом? — спросил он Шифю.

- Неет, — млея от удовольствия и урча, как кот, протянул домовой.

— Ты сейчас с кем и о чём? — уточнила бабушка. — Это там что в полотенце?

— Нет, ничего. Это я так, дурую маюсь, — отбрехался дед и завернул лихача поплотнее.

— Вот оно и видно, — миролюбиво уточнила бабушка и пошла на кухню. — Пойдём, я тебе молочка дам, кисонька. А какие у тебя глазки интересные. Никогда у котиков... да и ни у кого таких не видела. Прямо волшебный кот. Как его хоть зовут?

— Шифя, — в один голос ответили Ромка, дедушка и мама. Но они видели его именно домовёнком.

Н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.